

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

НЕ ВЫЗЫВАЯ ПОДОЗРЕНИЙ

Документальная повесть

(Журнальный вариант)

1

В начале лета 1869 года, не скажем, что весь мир, но северное полушарие нашей матушки Земли, замерло в ожидании самого выдающегося события не только столетия, но почти тысячелетия — открытия судоходства по Суэцкому каналу. Он, как вы наверняка помните из уроков географии, соединил Средиземное море с Индийским океаном.

Наш герой прибыл в город-порт Александрию на пароходе французской морской компании и сошёл на берег. До окончательного ввода канала в строй было почти полгода. Разумеется, ждать столько времени Михаил не мог, и не затем он прибыл из далёкой России на африканский континент, чтобы встретить и отпраздновать столь выдающееся событие. Путь его лежал на другой конец азиатского материка...

Однако же небывалое, эпохальное событие не могло не затронуть его и он записал в дневнике: «Александрия весной 1869 года ещё жила полною жизнью большого приморского города и первоклассной станции для путешественников и товаров, направлявшихся из Азии и Африки в Европу или обратно... Но в воздухе уже носилось предчувствие скорого упадка и ослабления бойкой торгово-транзитной деятельности».

Хотя все пристани и склады были сплошь завалены тюками, ящиками, бочками, мешками. А в самой гавани стоял целый флот кораблей, и в них грузились или выгружались груды всяких товаров. И тем не менее, купцы и содержатели гостиниц готовились к грядущему кризису.

Но сотруднику российского Главного штаба, 37-летнему подполковнику Михаилу Венюкову, десять лет назад бывшему ближайшим помощником генерал-губернатора Муравьёва-Амурского и по его заданию исследовавшему бассейны реки Амур, Уссури, озеро Ханка и побережье Японского моря, надлежало быть готовым ко всему. Совсем недавно вернувшись из длительной командировки в Польшу, в начале апреля он, по распоряжению военного министра Д.А. Милютина, перебрался из Петербурга в Марсель. Там сел на пароход и прибыл в Александрию. А теперь намеревался отправиться далее. Ему нужно было пересечь на поезд и ехать в городок Суэц.

Скверная железная дорога была построена четыре года назад британцами и пролегла через пески и глухомань, где обитали в основном арабские пастухи-феллахи. В Александрии, вопреки тому что стояла она на морском берегу, царил несусветная жара и духота, а какая погода властвовала там, в пустыне?.. Но бывалому путешественнику, первым из русских прошедшему хребет Сихотэ-Алинь, исследовавшему побережье Исык-Куля, Алтай и Кавказ, особых трудностей в этом не виделось. Тем паче, что поезда, очевидно щадя своих пассажиров, ходили только по ночам и назывались «курьерскими». Михаил с иронией отметил это в дневнике. И слава богу, что расстояние в сто пятьдесят с небольшим километров предполагалось покрыть за ночь. Оставалось лишь надеяться, что в дороге ничего курьёзного не случится.

Одно скверно — вагоны прыгали и качались из стороны в сторону, грозя соскочить с рельсов. А дорогу строили европейцы, и бывалый подполковник замечал, что «такого не бывает даже в Испании или у нас на частных железных дорогах», хотя не только машинист, но и обер-кондуктор были европейцами. И давно сжились с неласковым климатом и местными нравами. А бедные терпеливые пассажиры ещё не знали, что «качка» в этих железных коробках не единственный нежданный сюрприз — впереди много других...

Станций на этом злосчастном пути не было и в помине. Но одна остановка случилась. Где-то за полночь далеко впереди замаячил огонь смоляного факела. Кто-то им намеренно сигнализировал. Кондуктор остановил «состав» — сзади был товарный вагон. Он оказался как раз кстати. Пастух-феллах с полутора десятком баранов кое-как забрался и втащил в него своих кормильцев. Он намеревался продать их в Каире.

А там, в древней столице Египта, тоже готовились к эпохальному событию. Был выстроен и открыт оперный театр, и прославленному композитору Джузеппе Верди заказана самим правителем (хедивом) Измаил-пашой опера «Аида». Маэстро вначале откачивался, но благодаря усилиям известного египтолога Ф. Мариэтта и автора либретто А. Гислантони пошёл на уступку. Зрелище обещало стать грандиозным. Но до премьеры ещё оставалось более двух лет, и наш герой вряд ли знал об этом...

Курьерскому поезду после вынужденной остановки и погрузки баранов пришлось навёрстывать упущенное время. Михаил писал: «Поезд двинулся далее с такой быстротой, что у всех защемило сердце». К утру прибыли в Суэц. Жара стояла нестерпимая.

Михаил, выйдя из гостиницы, тут же поспешил обратно. Его попутчик французский коммерсант Шеврьё, с которым он успел подружиться, окликнул его:

— Куда вы, Мишель?

— Хочу надеть фланелевую рубашку, это гарантия от солнечных ударов и тропической лихорадки. Я схватил её в прошлом году в Панаме и провалялся три недели между жизнью и смертью, — подполковник покривил душой: в Панаме он ещё не был и лихорадкой, к счастью, не болел, но для легенды это было необходимо придумать.

— Да что вы! Фланель — спасение от этих невзгод?

— Разумеется. Вы спросите своих соотечественников-грёнёров. Как бывалые люди, они наверняка уже успели надеть фланелевые рубашки...

Обеспокоенный француз (он тоже был скупщиком шелковичных червей, они и назывались «грёнёрами») мигом бросился в город купить необходимое. Случайное знакомство с ним помогло Михаилу. Будучи единственным русским среди пёстрой толпы европейцев — французов, итальянцев, швейцарцев и немцев, едущих на далёкий Восток за длинным барышом, — он подозревал, что те примут его за шпиона и потому сошёлся с торгашом. Беззаботных туристов, скуки ради колесивших по белу свету и бездумно тративших правдами и неправдами заработанные деньги, тогда попросту не водилось.

Он «по секрету» сообщил ему, что направляется в Японию, чтобы наладить там продажу угля. Заранее зная, что этот «секрет» тут же станет известен всем. Год назад в стране восходящего солнца произошла революция, господство феодалов-сёгунов было низвергнуто, к власти пришёл император. Все европейские дельцы и авантюристы тут же ринулись туда. В то благодатное время ещё не требовалось паспортов и въездных виз...

2

Наконец пришло время грузиться на французский пароход «Camboge» (Камбоджа) и отправляться в Индийский океан. Среди разношерстной, не слишком достойной публики оказалась чета миссионеров. Немецкий протестантский пастор направлялся в Индию проповедовать Евангелие. Ещё троица французских священников-кюре отплыла на острова. А в соседней с протестантской четой каюте поместилась юная, весьма привлекательная монашка-француженка, католичка. Она ехала в Сайгон наставлять в должной нравственности вьетнамских девочек.

Путь от Суэца до Адена — выхода в океан — продолжался пять суток. При выходе в Индийский океан один из пассажиров поднялся на палубу, желая насладиться порывами свежего морского ветра. Высунув непокрытую голову из-под натянутого тента, он тут же получил солнечный удар и умер. Врача на судне не оказалось. Это произвело на всех гнетущее впечатление. Пожалуй, лишь два человека не потеряли присутствия духа — наш Михаил (ему не позволяла этого служба и звание) и неугомонный француз. Кроме него, в каюте находились двое итальянцев. Коммерсант сумел подружиться с капитаном парохода.

— Мишель, — день спустя предложил он Михаилу, — мы можем навестить капитана. Весьма любезный господин и готов нас принять.

Они направились в капитанскую каюту. Её хозяин оказался приветливым, словоохотливым «морским волком». Предложил гостям по доброму стаканчику вина.

— Господин капитан, — серьёзно и заинтересовано полюбопытствовал Михаил, — а как себя ведут ваши прямые конкуренты?

— Другие пароходные компании?

— Я имею в виду англичан. Говорят, они оккупировали все моря и океаны...

По всей вероятности, он наступил на «большую мозоль». Бывалый моряк не кривя

душой стал рассказывать о проделках и хитростях британских судоводителей, ради своих корыстных интересов готовых идти на всё. Хотя былая безудержная торговля «живым товаром» — африканцами — будто бы ушла в прошлое — оказалось, что это не совсем так.

— Английское правительство, — лукаво улыбаясь, повествовал капитан, — учредило обязательную премию своим судоводителям и экипажам судов за поимку арабских негроторговцев. Она выплачивается в зависимости от числа освобождённых невольников и тоннажа корабля. Рабов пересаживают на британское судно, арабский корабль тут же опускают на дно, а негров везут в Индию...

— Зачем? — недоумевал Шеврьё, а русский офицер, зная повадки англичан, кое-что понял, но промолчал, не желая выдавать себя.

— Там несчастных невольников передают на кофейные, сахарные и хлопковые плантации.

Михаил уточнил:

— А почему их не возвращают домой, в Африку?

— Британцы говорят: это дело пустое, арабские работоторговцы вновь их поймают и увезут. А в Индии их обеспечат работой и питанием, будут зорко охранять. Как-никак — это британская колония...

Шеврьё озадаченно покачал головой:

— Что ни говори, англичане хваткий и увёртливый народ. Нам, французам, до них далеко... — он взглянул на соседа. — И вам, русским, есть чему у них поучиться...

Михаил не стал ни возражать, ни соглашаться. К чему? Зная тех и других ещё по рассказам покойного отца — мелкопоместного дворянина Ивана Венюкова, воевавшего с французами в войну 1812 года, бравшего Париж, дважды получившего ранение и вышедшего в отставку в чине майора. Его сын, получив домашнее, «начальное» образование, решил продолжить семейную традицию и был принят во второй класс Петербургского кадетского корпуса.

Окончив его, он был оставлен там репетитором физики, параллельно вольнослушателем, посещая лекции в Петербургском университете, затем поступил в Академию Генерального штаба. А именно в эти годы вспыхивает Крымская война, хотя она была не только в Крыму. Англичане и французы пытались захватить Камчатку, но получили достойный отпор от наших моряков и солдат под командой вице-адмирала Завойко. Граф Муравьёв рассказал об этом Михаилу, когда тот, окончив учёбу в Академии, год спустя, то пешком, то верхом, то в телеге, добрался в Иркутск, к месту службы.

Но, как и каждый, горячо любящий свою родину россиянин, Михаил зачитывался «Севастопольскими рассказами» Л. Толстого. И на всю жизнь запомнил эти строки: «Сотни свежих, окровавленных тел людей, за два часа тому назад полных разнообразных, высоких и мелких одежд и желаний, с окоченелыми членами лежали на росистой цветущей долине, отделяющей бастион от траншеи, и на ровном полу часовни Мёртвых в Севастополе... Сотни людей — с проклятиями и молитвами на пересохших устах — ползали, ворочались и стонали»...

А все эти сотни и тысячи русских людей погибли там по вине англичан и французов, сорок лет назад завершивших междоусобную войну 1812 года, потом объединивших усилия и коварно напавших на Россию. Можно ли об этом забывать? И чему тут завидовать?..

3

Но стоило пароходу оказаться вблизи Мальдивских островов, поднялся ветер. Вскоре он так окреп и разгулялся, что волны захлёстывали палубу. Шторма, слава богу, не случилось, но ветер, не утихая, всё бушевал и неистовствовал. А ближайшей ночью четырёх пассажиров смыло за борт. И Михаил той же ночью едва уцелел от налёта разгулявшей стихии. Океанская горько-солёная волна окатила его с ног до головы, залила нос, рот и уши, его спасла лишь дверь каюты, за которую он успел ухватиться. И помогли соседи. Только при подходе к знаменитому экзотическому острову Цейлон (теперь это Шри-Ланка), возникшему на горизонте, как огромное, туманное облако, океан заметно утомился.

Причалив к берегу в большом порту Point-de-Galle (куда деваться от французов!), пассажиры охотно сошли на берег. Во-первых, они смертельно устали от жуткой качки и кошмарных переживаний, а потом — манящие, волшебные слухи о фантастической природе острова, его щедрые дары неудержимо влекли публику. Всюду высились пальмовые леса, заботливо оберегая небольшие рисовые поля. За ними виднелся причудливый буддийский храмик, а дальше совсем по-хозяйски размещалось бунгало (ферма) рачительного шотландца. Правда, не обошлось без неперменного ботанического сада, где пышно цвели мимозы. Но Венюкова, конечно же, интересовала тамошняя армейская служба.

Мимходом отделившись от бойкого француза — тот отправился в столицу острова за покупками, — Михаил пошёл искать казармы. И вскоре нашёл. Ему хотелось увидеть, как содержатся простые солдаты. Оказалось, что вполне достойно. Все помещения были чисты и просторны. Обилие света, свежего воздуха его искренне порадовало. В отечественных казармах такого не было. Затем он не преминул осмотреть ещё и береговые укрепления, но голод давал о себе знать, и вездесущий подполковник отправился обедать в известный «Oriental-Hotel» (гостиница «Восток»). Но здешняя кухня, против ожидания, оказалась весьма посредственной, ничем не восхитившей и не поразившей его.

Насытив желудок, Михаил, наняв экипаж, поехал в столицу острова — город Коломбо. И не напрасно. Известный всему миру уголок «земного рая» не мог не восхитить его: роскошная, изо всех щелей стремящаяся к небу растительность невольно заставляла думать о неиссякаемой природной силе, желании жить и плодиться. А местные жители, называемые «сенегальцами», были удивительно стройны и красивы. По слухам — так выглядят дети от смешанных браков с португальцами. Ими нельзя было не восторгаться.

А вернувшись на пароход, чтобы отправиться далее, он заметил, что там стало свободнее. Какая-то часть спутников освободила каюты: кто-то (пастор со своей строгой супругой) остался на острове, кто-то (молодая вдова) перебралась в Индию — благо, она была под боком, а кто-то устремился даже в далёкую Австралию. Плавание через Бенгальский залив и Малаккский пролив прошло вполне мирно и спокойно. Дамы занялись шитьём, вязанием и чтением книг. Мужчины играли в карты, писали письма и вели дневники...

Но по мере приближения к Сингапуру, позабыв обо всём, большинство высыпало на палубу: живописный вид множества самых причудливых, доселе невиданных островов поражал и будил любопытство.

— Вот, это да! — восхищался Шеврьё. — Представляю, что мы увидим в самом Сингапуре! Мне так и не удалось там побывать — всё время плыл мимо...

Михаил многое знал о самом острове и необычном городе, ставшим легендой не только среди моряков и пиратов, но и между простых обывателей.

— С моря мы его не увидим, — охладил он пыл француза, — пароход наверняка бросит якорь в узком проливе, возле пристани...

— А как же нам быть?

— Взять на пристани дрожки с зонтом и ехать туда. И не забудьте прихватить побольше денег... Но будьте всё время начеку!..

— В Сингапуре много воров и бандитов? — насторожился коммерсант.

— Не только... — Венюков улыбнулся. — Здесь уйма фальшивомонетчиков. Они подделывают всё: фунты стерлингов, пиастры, доллары, рубли, талеры, гульдены... И привозят их из Шанхая и Гонконга. Не меняйте свои деньги на здешние.

Он оказался прав: пароход на сутки сделал стоянку в тесном проливе. Здесь пассажиры ждали и были готовы оказать им кое-какие услуги. Слава о злочных местах, готовых радушно принять, сытно накормить, ублажить гостей «золотыми» кольцами с «бриллиантами» и «сапфирами», а заодно сбыть им несметное количество поддельных банкнот, — делала своё дело. Но вразумлять их, сдерживать аппетиты и жажду похвальбы — затея зряшная.

Наняв дрожки с непременно зонтом — иначе поездка могла обернуться трагедией (оба помнили несчастного, погибшего от солнечного удара), — бравый подполковник и коммерсант отправились в легендарный Сингапур, когда-то бывший хвалёным прибежищем всех пиратов и работяг. Но эти славные времена ныне ушли в прошлое — теперь город гордился своим ботаническим садом, множеством китайских лавок с самым невероятным товаром, шикарной гостиницей в новейшем европейском стиле. Правда, нищих и бездомных на улицах тоже хватало...

Наши герои, зайдя в одну из лавочек, закупили там целую корзину розовых манго — «райского», как называл его в дневнике Венюков, плода, «который по вкусу превосходит все другие произведения растительного царства»... Но время было отправляться далее.

4

На пароходе вновь сменилась часть пассажиров. Разумеется, русских среди них не было, большинство оказались англичанами и французами. Но среди новичков появился богатый китаец, к удивлению и зависти всех, снявший самую дорогую и просторную каюту первого класса. Высокий, тучный, щегольски одетый во всё белое, щедро надушенный парижскими духами, с огромным бриллиантом на золотом перстне, говорящий по-французски...

— Надо же! — поразился Шеврьё. — Кто бы это мог быть?

— Наверняка торговец опиумом из Сайгона, — предположил Михаил, — они оптом скупают это зелье и развозят всюду. Он мог бы откупить весь пароход — что ему эта каюта!

Коммерсант тут же отправился к капитану и спустя полчаса, найдя на палубе подполковника, поделился с ним:

— Вы правы... Капитан рассказал мне, что этот китаец скупает опиум в Кохинхине, на тамошних плантациях, и потом везёт его во все концы...

Михаил напомнил:

— А Кохинхина, между прочим, французская колония. И ваша администрация смотрит сквозь пальцы на эти проделки, зато постоянно укоряет англичан за то, что они травят китайцев опиумом...

Шеврье попытался оправдаться:

— Я спрашивал об этом капитана, но он сказал, что охранять порядок и содержать на данной территории артиллерию и солдат буквально не на что. Потому губернатор разрешил, где возможно, разводить мак, но не продавать его дома, а только на вывоз... — вздохнул и прибавил: — Это даёт два миллиона в казну...

— Ну, вот вам и ответ! — засмеялся Венюков. Француз пожал плечами.

Океан, точнее, Южно-Китайское море вело себя вполне спокойно, ни штормов, ни шквалов в начале июня не наблюдалось. Пароход приближался к южной оконечности Индо-Китайского полуострова. Известная Кохинхина, захваченная французами в 1859 году, находилась именно там. Земля и климат в ней были на редкость щедры и благодатны. Местные жители, называемые аннамитами, три раза в год собирали богатый урожай риса. Но в 1867 году они подняли восстание, которое было жестоко подавлено, конечно же, колонизаторами. А местные жители, те самые аннамиты, что значит — «умиротворённые южане», — будто бы угомонились, хотя они носили это имя уже не одну сотню лет и французы тут совершенно ни при чём.

Большую остановку предполагалось сделать в Сайгоне. Здесь находился дом губернатора, префектура, монастырь, солдатские и полицейские казармы. Всё это, по мнению Михаила, являло собой «редуты» (т.е. всесторонние укрепления) европейской цивилизации.

Когда пароход вошёл в просторную, очень удобную бухту, на берегу уже толпился народ. Большую часть, естественно, представляли европейцы, хотя среди них теснились и китайцы, одетые в «цивильные» костюмы. Они с несказанным почётом встретили своего земляка опиумоторговца. Впрочем, никто, кроме русского пассажира, этому не удивился. И юная монашка, вместе с кучкой соплеменников, тоже покинула свою келью-каюту — её с нетерпением ждали в монастыре...

Сам город произвёл на Венюкова скорее тягостное, чем восторженное впечатление. Он представлял собою заштатные, кое-как застроенные жилые кварталы, в которых располагались десятки французских авантюристов, содержавших пару-тройку жалких кафе, лавки с гнилым товаром, цирюльню для офицеров и матросов и непримечательный кабак.

Несколько тысяч аннамитов прозябали в тростниковых хижинах, крытых соломой. А вот китайцы жили отдельно, вёрст за семь от центра, где стоял самый огромный дом их богатого земляка. Он находился под неусыпной охраной, ибо часть дома занимала полицейская префектура. Солдаты же, вместо казарм, населяли какие-то сараи, а матросы, дабы жить поближе к родной стихии — располагались в негодных, вышедших из строя парусных судах, стоявших на приколе. Зато таможенники и жандармы неустанно курсировали на паровых катерах, преследуя и тщательно опрашивая всех встречных и поперечных, чтобы не допустить никакой крамолы.

Михаила, помимо прочего, интересовали культурологические усилия французской администрации. Что она сделала и делает для нравственного сближения европейцев и здешних аборигенов? Оказалось, что почти ничего. Завоеватели лишь сердились, что трудно «цивилизовать» аннамитов, ибо они «заражены конфуцианством и предпочитают китайскую грамотность европейской». Но больше всего колониальное начальство негодовало на то, что аборигены всячески увиливали от налогов, чему способствовала их давняя, неискоренимая традиция. Дело в том, что аннамиты на протяжении всей своей жизни меняли собственные имена: при рождении человека зовут так, при появлении зубов этак, по достижении половой зрелости ещё как-то, а стоит ему жениться — его именуют совсем иначе и т.д.

У французских чиновников мутилось в головах — как брать с человека налог, если он записан в реестре под одним именем, а полгода или год спустя его называют по-другому? И этих чёртовых туземцев невозможно убедить или заставить вести себя цивилизованно, подобно их европейским хозяевам. Больше сотни лет всеми правдами и неправдами они пытались сделать из них некое подобие самих себя, пока аннамиты, которых потом называли вьетнамцами, не изгнали своих «благодетелей»...

5

Но стоило пароходу покинуть Сайгон, как резко сменилась погода. Хлынули проливные дожди. Причём каждый ливень вначале сопровождался резким порывом ветра, но с первыми струями дождя он тут же исчезал, и водяные потоки падали совсем отвесно, словно жидкий занавес. И, помимо него, вокруг царила полная тишина, лишь неумолчный стук паровой машины давал о себе знать. Но за месяц Михаил к нему привык и не замечал.

Кроме вездесущего коммерсанта-француза, он сблизился с неким врачом, голландцем Герстом, оказавшимся на судне в Сайгоне. Отнюдь не профессия нового приятеля привлекла Венюкова, а место его службы. Тот работал в городе Нагасаки, в японской больнице. И очень любил эту страну, возможно потому, что его услуги там недурно оплачивались. Очередное знакомство для нашего героя наверняка не будет лишним...

Судно неуклонно двигалось на северо-восток, слева иногда виднелись пышные берега Индокитая. А над морем часто стелился густой туман. Но однажды из него навстречу «Камбодже» показался пароход «Тигр» той же французской компании. Они обменялись сигналами, и через несколько минут вахтенный матрос сообщил Венюкову — на «Тигре» направляется в Европу из Китая русский посланник. Михаил лично знал его, но сделал вид, что лишь слышал о таковом.

Крупных городов и селений по ходу судна не встречалось. Но как-то поздним вечером в окне каюты замелькали яркие огни. Наш герой подумал, что это город Бинтуань — последняя остановка на пути в Китай. Накинув халат, он вышел на палубу. Однако это оказались сотни ярких рыбацких фонарей. На узких, юрких джонках их хозяева без устали сновали по бухте и в устье реки, умело ловя острой рыбой, устремившуюся на мнящие огни...

А сам город, располагавшийся поодаль, освещался весьма скудно. И осматривать в нём какие-либо достопримечательности не имело смысла — их попросту не было. Загрузившись углем, ранним утром пароход отправился далее. Теперь путь его лежал на восток. И сутки спустя на рассвете в густом тумане показался остров Хайнань. Огромный, с внушительной горной вершиной посередине, самый большой по площади помимо всех других.

С него начинался сам Китай, и здесь уже хозяйничали британцы. После поражения в Первой опиумной войне маньчжурская династия Цин позволила им всё разграбить. И победители этим блестяще воспользовались. В порту стояли британские суда, и повсюду звучала английская речь. Береговые батареи, разрушенные оккупантами двенадцать лет назад, уже во время Второй опиумной войны, так и стояли в руинах — восстанавливать их было запрещено.

Как ни странно, но в те, ныне забытые времена, о которых идёт речь, пассажирские пароходы ходили по расписанию. Оказалось, что «Камбоджа» опережала его на целых двенадцать часов. И многие пассажиры, конечно, этому обрадовались — появилась возможность отдохнуть от качки, побродить по незнакомым окрестностям, любясь щедрой субтропической природой с вечнозелёными пальмами и сикоморами. Ведь рядом был экватор!..

Но прозвучал сигнал к отходу. Оказалось, что на борту, в отдельной каюте, размещался один из важных начальников французской эскадры и ему нужно было срочно добраться до Гонконга. Там его ждало американское судно, на котором он должен был следовать куда-то дальше. Большинство казалось недовольным, но Венюков этому порадовался: неужто замаячила вероятность увидеть ещё что-то интересное и нужное? Раздался прощальный гудок парохода, убрали трап, за кормой натужно завертелось огромное маховое колесо, по-хозяйски окунулись в воду, наперебой заплескали его широкие лопасти, судно медленно отчалило от причальной стенки...

6

До Гонконга пароход добирался почти сутки. Когда «Камбоджа» начала швартоваться в просторной гавани — та оказалась сплошь забита китайскими лодками-сампанами. Когда пассажиры высыпали на палубу, матросы и бывалые путешественники предупредили новичков, чтоб были внимательней и осторожней. Врач Герст предостерегал Венюкова:

— Здесь масса воров и разбойников. Нигде не ходите по одиночке, если у вас с собой нет оружия.

— Они нападают даже на городских улицах, — подтвердил Шеврьё.

— Да. Прямо средь бела дня, — голландец усмехнулся, — бросают в глаза щепоть табаку и обирают несчастного до нитки. Могут и придушить...

Венюков кивком указал на пристань:

— Но я вижу там полицейских. Их, по-моему, здесь достаточно... — внизу, и вправ-

ду, хватало полицейских агентов. Они окриками и жестами вынуждали лодочников держаться подальше от берега. Михаил спросил врача: — А если кто-то хочет нанять лодку? Как ему быть?

— Нужно обратиться к агенту, он и договорится с хозяином сампана.

И в самом деле — пассажиры с вещами окликали агентов, и те знаками и криками подзывали к себе лодочников. Названный владелец разом налегал на вёсла, и лодка тут же утыкалась носом в берег. Подскакивали грузчики, складывали вещи в сампан. Клиент в присутствии полицейского платил и отправлялся куда следует.

Но Михаил, в отличие от своих новых друзей, не собирался сходить на берег. Он уже договорился с капитаном, что тот сведёт его с начальником эскадры. Его не оставляла мысль побывать в материковом Китае. Как-никак они оказались недалеко от устья прославленной «Жемчужной» реки и города Кантона. А ещё пару десятков лет назад там кипели жаркие морские и речные битвы между англо-французами и китайцами, вошедшие в мировую историю. Венюкову хотелось видеть их следы...

Вблизи «Камбоджи» уже стоял американский пароход. Дежурный матрос проводил «торговца углем» в каюту, где находился начальник французской эскадры. Они заочно были известны друг другу, и знакомятся ближе, что-либо просить и объяснять — нужда отпала. Михаил только пожелал увидеть знаменитую реку — третью по величине в Китае — и город, не менее славный...

— Хорошо, — согласился высокий морской чин, — но я не могу уделить вам внимание... — он чуть усмехнулся. — Ждут дела...

А Венюков был этому несказанно рад, и во всех сил стараясь не подавать виду. Тщательно скрывая все свои намерения, он в этом явно преуспел, но терять бдительности всё-таки не стоило. Американское судно, тем временем, благополучно вышло из гонконгской бухты на юг и направилось к устью желанной реки. На пути его встретила целая россыпь или архипелаг самых разнообразных и разновеликих островов...

Они разительно отличались от виданных ранее близ легендарного Сингапура. То поразительно высокие, то, наоборот, очень низкие, эти участки суши вольно разбросались по морю и наблюдались в широкой дельте самой реки. Она же виделась необъятной.

— Её называют Восса-Tigris (Пасть тигра), — с улыбкой сообщил гостю высокий морской чиновник.

— Вот как? Но она не кажется ни алчной, ни хищной, — возразил Венюков. — Может, на самом дне её таится целое скопище острых скальных пород? — предположил он. Чиновник продолжал улыбаться:

— Вовсе нет, — он указал на ближайший правый берег, — вон там — видите — остатки укреплений. За ними когда-то стояли пушки — целые батареи разнокалиберных орудий, — и в самом деле, на высоком берегу были видны развалины крепостных стен и бастионов. — Двадцать с лишним лет назад мы с англичанами их обстреляли и всё сокрушили, — он показал налево, туда, где едва виднелся противоположный берег. — Там тоже стояли батареи. Их больше нет. Англичане настрого запретили китайцам всё возводить заново...

Михаил догадливо усмехнулся:

— Так вот откуда это название — Тигровая пасть. Ею она когда-то была, а что теперь? Похоже — одно воспоминание...

— Вы правы, — согласился собеседник, — зато теперь китайцы открыты всему миру, — он скупно улыбнулся. А Михаил подумал, что такая открытость вряд ли пойдёт на пользу этому трудолюбивому и мирному народу.

Пароход вошёл в гавань, не спеша повернул на запад и причалил к пристани, от которой начинался сам город Кантон. А чуть поодаль, через неширокую протоку, располагался небольшой остров, где стояли дома в европейском стиле. Целый квартал...

— Это одна из наших концессий, — пояснил морской чиновник и добавил: — Вы можете сойти на берег и осмотреть город, я вам дам провожатого, а у меня дела.

7

Провожатый-француз, почти ровесник Михаила, служащий концессии, судя по всему, хорошо знал город. Видимо, он прожил в нём не один год. Первое, что пришло ему на ум — взять паланкин и носильщиков.

— Зачем? — удивился Венюков. Француз пояснил:

— Иначе нельзя. Дорога ухабистая и длинная, а времени не так много... — он давал понять, что особо тут не разгуляешься.

Хочешь не хочешь, но гостю пришлось согласиться. Шестеро худощавых, крепких и мускулистых китайцев, одетых в подобия кафтанов и штанов, на ногах — изношенные саңдали, а на головах у них красовались тростниковые шляпы, похожие на зонтики, стояли справа и слева от высокого деревянного короба с четырьмя бамбуковыми

ручками. По обе стороны «паланкина» свисали лёгкие шторы, за ними — окна.

— Прошу! — любезно пригласил провожатый и чуть улыбнулся. — Этот паланкин называется «миныцзяо» — значит, он предназначен для обычных людей... — француз понимал, какой шок и волнение переживал его клиент.

Тому было не привыкать — в своих странствиях по белу свету Венюков насмотрелся всякого, но вместо лошадей ехать на людях приходилось впервые. Он отважно полез внутрь — в экзотическое средство передвижения. Внутри было две скамьи — одна против другой. Опустился на одну из них, а его провожатый сел напротив. Носильщики — трое спереди и трое сзади — накиннули на плечи ремни и, словно по волшебству, подняли седоков на воздух. Они оба даже этого не заметили.

Подавив волнение, Михаил, отодвинув штору, выглянул наружу: тесный, шумный восточный город, не таясь, открывал перед ним все свои красоты и несуразности, непривычные глазу. Но ему нужно было увидеть кое-какие важные детали и, в то же время, не возбудить никаких подозрений у соседа.

— Я где-то читал, что англичане двадцать лет назад разбомбили все крепостные стены города? — с праздным интересом полюбопытствовал он.

— Точнее — двадцать восемь лет, — подтвердил француз. — Хотите взглянуть?

— Если это возможно.

— Почему нет, — проводник выглянул в окно и что-то крикнул носильщику, идущему впереди.

Тот кивнул, давая знать, что понял приказ, и чуть свернул в сторону. Все шестеро зашагали крупной рысью, почти нога в ногу, но так уверенно и ровно, что седоки не испытывали даже малейшего неудобства. Примерно через час они приблизились к обрывистому, крутому берегу, над которым уныло возвышались каменные руины бывшей цитадели. Венюков мысленно прикинул величину пройденного пути — где-то километров семь. Всё это вполне укладывалось в английское описание города, бывшее у него.

Француз что-то скомандовал проводникам, паланкин тихо и незаметно опустился наземь. Седоки вышли из него. На обоих были шляпы-зонтики, как у носильщиков, — жгучее солнце никому не давало поблажки. Михаил в общих чертах, конечно же, знал все перипетии той опиумной войны, особо умелые действия англичан, ловко использовавших все просчёты противника...

Хотя крепостные стены, охранявшие город с моря, были длиной в пятнадцать километров и высотой метров восемь-девять, но пушки, когда-то стоявшие в их бастионах, и пушками-то назвать было нельзя. Это были средневековые «бомбарды», они производили больше шума и грохота, чем сеяли смерть. А опытный противник использовал здесь лёгкие передвижные орудия с нарезными стволами, стрелявшие много дальше и точнее.

И китайские солдаты, под командой маньчжурских офицеров, с мечами, пиками (вместо штыков) и фитильными ружьями, встретив сомкнутый строй сипаев (воинов-индусов, завербованных британцами), попросту терялись и не смели им противостоять, не говоря уже об ответных атаках чужих солдат. А те, сплошь вооружённые новейшими винтовками со стальными штыками, расправлялись с ними, как повар с утками...

Осаждённым даже не помогли тысячи сельских ополченцев «пинитуаней» (дружин умирения англичан). Они на скорую руку вооружились тяжёлыми мечами, копьями, щитами и десятком фитильных ружей. А помимо ружей, пинитуани ещё пользовались луками. К стрелам крепили зажжённые фитили с зарядом пороха, он воспламенялся, и стрела летела втрое дальше. Однажды им даже удалось ранить двух солдат-сипаев...

Только противник, как правило, активно теснил их мощными ружейными залпами, орудийной пальбой и короткими атаками, в ходе которых британцы потеряли одного офицера. Он умер от солнечного удара.

— После заключения мира, — негромко сообщил проводник, — император выплатил англичанам шесть миллионов юаней...

— Это много или мало? — уточнил Венюков.

— Почти шестнадцать тонн серебра! Судите сами...

— Я где-то читал, что в одной из этих стычек английский офицер погиб от солнечного удара. Не слишком ли большая мзда за одного британца?

Француз пожал плечами:

— Британцы тоже понесли потери. Война есть война...

— И скольких людей они потеряли?

— Где-то около ста пятидесяти.

— А сколько было трупов у китайцев?

— По-моему, больше тысячи. Строгих подсчётов не вёл никто.

Михаил невольно взглянул на носильщиков. Все шестеро, будучи вышколенными

профессионалами, стояли молча и не шевелились. Казалось, они могли так стоять сутками — всё зависело только от желания нанимателей. Провожатый перехватил его взгляд и будто бы что-то понял.

— Безусловно, это ужасно, но что поделаешь? Их император не хотел идти на уступки, а британцы стояли на своём... Но китайцы довольно быстро пришли в себя... Хотите взглянуть на их обычную жизнь?

Венюков, не раздумывая, кивнул. Проводник что-то сказал носильщикам, те тут же накинули на плечи ремни, «впряглись», подумал Михаил, и они оба дружно полезли в деревянный короб...

8

Где-то час спустя «миньцзяо» вышли к бескрайнему устью «Жемчужной» реки. И то, что предстало глазам Михаила, потрясло его. Учась в кадетском корпусе, он много читал о знаменитой Венеции с её бесчисленными каналами и, живя в Петербурге, любил, когда выпадало свободное время, побродить вдоль Екатерининского или Крюкова канала, но то, что ему довелось увидеть теперь, — не шло с ними ни в какое сравнение!..

Трудно было подобрать слова к этому невероятному, небывалому зрелищу. Что это — город на воде? Вряд ли. Здесь нет свай, на которых стояли бы дома. Впрочем, нет и самих домов. Вся необъятная речная гавань была сплошь заполнена тысячами лодок-сампанов. Они стояли тесно, одна к одной, образуя целые кварталы. А между ними пролегли неширокие промежутки — подобия улиц. И не между средствами передвижения, а среди настоящих, капитальных жилищ. Населяют их целые семьи, вероятно, даже не одно поколение, многие тысячи отчаянных, терпеливых людей.

— Они имеют в собственности не только эту лодку, но и место, на котором она стоит, — пояснил Венюкову провожатый.

— То есть воду под сампаном? — удивился тот.

— Ну да... Для них это — родная колыбель, здесь они растут, набираются сил, женеются, сами заводят детей, стареют и умирают...

Где-то неподалёку загорланил петух. И вслед ему раздались десятки таких же залихватых, знакомых ругад. Совсем как в селе Никитино под Рязанью. У Михаила голова плыла кругом. Он, конечно, читал о китайских «плавучих» городах, но видеть это воочию — стоило многого...

— Кроме кур, они ещё держат у себя целые стаи уток, — прибавил француз, желая подогреть любопытство собеседника.

Солнце уже перевалило за полдень, и в водяном царстве стояла тишина. Но в крытых лодках-сампанах наверняка шла своя жизнь, постороннему глазу не видимая. Венюков посмотрел на шестерых носильщиков — они стояли, почти не шевелясь, часто поглядывая друг на друга, а по лицам было заметно, их что-то интересовало.

— Я никого не вижу, — удивился он, — неужели все жители спят?

— Почему спят? — француз пожал плечами. — Отправились ловить рыбу или искать жемчуг... Не забывайте — река-то Жемчужная...

И вправду, как её забыть? Сам город Кантон и его дивное плавучее подобие стояли на реке, имеющей такое заманчивое имя. Кто им не прельстится?..

— А как же их сампаны? Они стоят на месте... Неужели все пошли пешком?

— У них есть ещё небольшие лодки-джонки для плавания по реке и морю, — проводник достал из кармана часы. — Но нам, пожалуй, пора. Скоро мой шеф вернётся...

Ничего не поделаешь — пришлось подчиниться. Седоки поместились в паланкин, и носильщики умело и проворно доставили их куда следует. По дороге Михаил думал, что экскурсия оказалась не столь продолжительной, но познавательной и захватывающей. Она подспудно наводила на разные мысли...

Что заставляет людей, родившихся и живших за тысячи вёрст от друг друга, сходить в жесточайших битвах, яростно истребляя себе подобных? Он вспомнил рассказы отца о битвах с французами и невольно глянул на своего соседа: вполне приличный, средних лет чиновник. Такой же, как и он сам. Доброжелательный, спокойный, отзывчивый... Помнит ли он о той войне, которая шла на полях России между его соотечественниками и теми, кого они называли «русскими варварами»? Кстати, и британцы, принесшие столько бед тем, чьим жилищам они оба только что удивлялись, тоже были врагами французов в той войне, а сейчас они вместеобирают аборигенов. И пока между ними царит мир и согласие. А пятнадцать лет назад так же дружно они воевали в Крыму и на Камчатке...

9

В Гонконге, куда вернулся Михаил после вояжа в Кантон, «Камбоджа» мирно стояла у причала. Врач и коммерсант приветливо встретили его.

— Ну, каковы ваши впечатления от многострадального Кантона и знаменитой, бо-

гатовой реки?

Венюков, намерено опуская подробности о разрушенной крепости, поведал о небывалом городе, раскинувшемся на воде. И людях, обречённых вести там свою жалкую, неприкаянную жизнь в углых лодках-сампанах... Как ни странно, его волнующий рассказ не произвёл на собеседников никакого впечатления.

— Мы узнали потрясающие подробности об ограблении здешнего банка! — горя нетерпением, выложил Шеврьё. — Это достойно авантюрного романа...

— Банка в Гонконге? — переспросил Венюков. — Прямо среди бела дня? А кто — европейцы или китайцы?..

— Конечно, местные разбойники, — подхватил врач, — и не днём, а ночью...

Банк находился в европейской части Гонконга и бдительно, круглосуточно охранялся. Как смогли китайцы организовать на него налёт, если после захода солнца в эту часть города не допускался ни один из них без фонаря и пропуска от полиции?..

— Они сделали подкоп! — сообщил Шеврьё. — Причём из того района, где жили сами... Уму непостижимо!..

— А там почти скальный грунт, — авторитетно добавил Герст, — представляете, каких усилий и трудов это стоило?..

— А сколько китайцев здесь живёт? — спросил Венюков.

— Больше ста тысяч, — ответил голландец. — А британцев — две с половиной...

— И сколько денег они заграбастали? — вновь полюбопытствовал Михаил.

— Говорят, что огромные суммы в серебре...

И всё это случилось в минувшее воскресенье, когда не только английский банк, и другие конторы бывают надёжно заперты и совершенно пусты. Венюков подумал, что соучастниками в этом грандиозном воровстве могли стать так называемые «компрадоры», то есть местные китайцы, работающие кассирами и уборщиками. Иначе откуда грабителям знать, когда и как работает банк? Но говорить об этом вслух ему не хотелось.

— Мой проводник в Кантоне рассказал, — спустя минуту поделился он, — что после Первой опиумной войны англичане заставили императора выплатить им восемь миллионов юаней, значит, почти шестнадцать тонн серебра!..

— А Вторую опиумную войну англичане начали отсюда, — напомнил голландец. — В Гонконге она вспыхнула, а потом охватила весь Китай...

— Китайцы захотели вернуть своё серебро?.. — усмехнулся француз.

Врач пожал плечами, а Михаил попытался восстановить кое-какие детали:

— Здесь в порту пришвартовался английский пароход «Arrow», какой на нём был груз — неизвестно, но высоким китайским чиновникам донесли, что там много опиума, — он взглянул на Шеврьё, — из вашей, кстати, Кохинхины... И ещё ходили слухи, что пароход частенько перевозит всякую контрабанду и всюю потакает пиратам. Капитана и его помощников арестовали, упрятали в тюрьму...

— И что? — недоумевал голландец. — Разве это повод к началу большой войны?

— Повод был в том, что англичане требовали освободить заключённых, а китайцы — вплоть до самого императора — этому воспротивились. Тогда всё и началось. К англичанам вначале присоединились американцы, а затем французы. И целых четыре года шла война...

Вспоминать перипетии той позорной, хищнической войны никому не хотелось. Врач и коммерсант кое-что знали о ней, но весьма немного и наверняка думали, что новые факты откроют перед ними ещё более мерзкие подробности в действиях их соотечественников. А Михаил, видя это, не хотел обострять отношения. У него оставалось ещё несколько часов, чтобы потратить их с пользой для дела. Ему хотелось осмотреть так называемые Абердинские доки, где проходили срочный ремонт военные суда английской эскадры, бороздившие китайские и японские моря. Он смог узнать, что там могли поместиться больше двух десятков кораблей и даже броненосцы. А вот доступ туда иностранцам строго запрещён.

Но, на удачу, в порту, недалеко от стоянки его парохода, на трёх старых кораблях, стоявших на якоре, размещался британский военный госпиталь. Как его не осмотреть? Венюков прихватил с собой голландца Герста, врачу это тоже было интересно. И вместе с кучкой любопытных они поднялись на ближайшее судно. Благо, вход был разрешён всем... Увиденное поразило его. Опрятность, чистота, даже свежесть и прохлада воздуха в больничных каютах были просто непостижимы. И это в широтах, где всегда царит изнуряющая жара и зной! Он внимательно пригляделся: за окнами висели лёгкие бамбуковые шторы — они не пропускали солнца, зато ветер свободно проникал внутрь.

— Говорят, что они привозят лёд из Аляски... — пояснил Герст, обменявшийся кое-какой информацией с военным врачом. Михаил не поверил ушам — возможно ли перевозить за тысячи километров глыбы замёрзшей воды, которые за время доставки

становятся пусть не золотыми, то наверняка серебряными? Но прохлада была очевидной. Герст с заметным сомнением добавил:

— Но будто бы лёд ещё производят и здесь... Искусственно...

Венюков не стал допытываться. В самом деле: если британцы совсем недавно, пользуясь исключительным правом опиумной торговли, построили себе гостиницы и дворцы в Гонконге, Кантоне, Фучжоу, а некий мистер Джардинь воздвиг роскошный замок с великолепным парком на некогда голых скалах — то что для них какой-то корабль, везущий лёд?..

10

Пароход заметно обезлюдел. После нескольких, очень коротких стоянок на восточном побережье Китая в каютах осталось по одному пассажиру. Все другие сошли в Гонконге, Макао, Маниле и северокитайских портах. А «Камбоджа» взяла курс на восток, к проливу Формоза (теперь называемому Тайваньским). Он всегда пользовался дурной славой, как Ла-Манш, ведь за ним открывалось коварное Восточно-Китайское море, в котором частенько гуляли штормы и рождались свирепые, губительные тайфуны...

Но тревога капитана и команды оказалась тщетной — в проливе и далее их встретил полный штиль. А потом опустился густой туман, и пришлось изменить курс, чтобы не врезаться в скалы по ходу судна, повернуть на запад и потерять десять часов. Но туман, слава богу, наконец рассеялся. И несколько часов спустя ранним утром пассажиры увидели справа огромный остров Формозу (теперь Тайвань). Делать стоянки у него не предполагалось — следовало наверстать потерянное время, и никто не собирался здесь сходить на берег. Зато на горизонте появились живописные берега японских островов...

— *Quel beau pays!* (Какая красивая местность!) — поминутно звучало на палубе.

И в самом деле: то, что расстилалось перед глазами — так и просилось на полотно. А когда по обоим бортам парохода появились лодки японских рыбаков, доброжелательно машущих руками зевакам, толпившимся на палубе, — то радости последних не было границ. «Какой приветливый народ!» — думал и Михаил.

Восточно-Китайское море незаметно перешло в Японское, и через три дня «Камбоджа» приблизилась к городу Иокогама. Это был конечный порт назначения — дальше плыть уже некуда. В просторной, живописной бухте было тесно от иностранных судов, а на вершине ближайшего холма высилось английское посольство...

Венюков вместе с Шеврье и Герстом сошли на японский берег. Француз сделался заметно собранным и сосредоточенным: его волновали цены на шёлк и возможность закупки гренов (шелковичных червей). А голландец должен был следовать далее — город Нагасаки находился довольно далеко от места прибытия, на острове Кюсю. Там его ждала доходная служба в клинике и верная «мусме» (девушка-японка).

Михаил на пару с коммерсантом поселились в номерах «Hotel des Colonies» (гостиница «Колониальная»). Полуторамесячное скитание по зыбким глдам морей, слава богу, закончилось, можно было отдохнуть от надоедливой качки, однако расслабляться не стоило. Он был единственным русским среди окружающих. Британцы, французы, немцы, голландцы, американцы — их хватало везде и всюду, а появление какого-то русского субъекта могло означать только одно: наверняка это тайный агент, *russian spy*.

11

Минул год, как в Японии наступила «эпоха Мэйдзи». Кто-то называл её революцией, другие — государственным переворотом, третьи — реставрацией монархии. Загадочная, веками закрытая страна открыла границы иностранцам. Миссионеры, дельцы, авантюристы, искатели лёгкой наживы ринулись в Японию.

Заниматься какими-то подозрительными розысками — значило привлечь к себе опасное внимание. Михаил решил искать покупателей русского, сахалинского угля. И начальник французской военной эскадры однажды обратился к нему с вопросом — как заключить контракт для снабжения его судов русским углем? К кому следует обратиться? Придав себе чрезвычайно серьёзный и даже таинственный вид, Венюков ответил, что этот вопрос он передаст русскому Министерству торговли, и оно всё решит. Но прежде ему нужно объехать все японские и китайские порты, потом отправиться через Владивосток в Петербург, там явиться в Министерство торговли, обстоятельно всё доложить и, получив разрешение, вернуться обратно. И тогда сахалинский уголь появится везде. Как ни странно — мистификация удалась. Путь ему был открыт всюду. Михаил получил «карт-бланш» на поездки в любой уголок Японии.

Изучив японскую географию и картографию, Венюков занялся экономикой и торговлей. Тут ему вновь пригодился разбитной француз Шеврье. Его связи в японском коммерческом мире открыли Михаилу необычный ход всех сделок, совершаемых

европейскими коммерсантами. Англия, Франция и Америка держали под контролем продажу шёлка, яичек шелковичных червей, чая, фарфора, лакированных изделий и прочего. Они определяли цены и даже объёмы ввоза европейских товаров, чтобы японский рынок не переполнялся чужими изделиями. И делали всё возможное, чтобы заставить японцев продавать свои продукты по низким ценам. Единственным товаром, который ангlosаксы не могли взять под свой полный контроль, был чай. Его плантации находились в местах, куда не допускались иностранцы. Причём из года в год их клятвенно уверяли, что урожаем опасно падает.

У Михаила заканчивался казённый бюджет, в наличии осталось всего-то сто пятьдесят долларов. А ближайšie соотечественники — русские послы — находятся только в Китае. Придётся ехать в Шанхай, где пребывало русское консульство. Венюков купил билет на американский пароход «New York», стоил он пятьдесят долларов, и покинул Иокогаму...

12

На берегу показались длинные ряды огромных домов или дворцов, построенные опиумно-чайной аристократией Шанхая. Пристать к берегу не удалось — слишком мелкая вода не позволяла. Пароход окружили лодочки. Пассажиры образовали на палубе небольшую очередь, и Михаил привычно спустился в джонку. Он знал, что гостиница стоит на берегу и кивком указал на неё. Лодочник проворно навалился на вёсла.

Через пять минут лодка уткнулась носом в берег. А владелец пресловутого «Astor-house» уже стоял на берегу, любезно поджидая клиентов. Венюков, взяв поклажу, ступил на берег, и лодочник вылез за ним, ожидая платы. Он показал ему два пальца, что значило — ты получишь два шиллинга. Это была привычная такса. Но мелких денег у Михаила не оказалось, и он сказал об этом хозяину отеля. Тот должен был заплатить лодочнику и потом взять деньги у постояльца. Хозяин молча полез в карман, а Михаил направился в гостиницу...

Вошёл и услышал за спиной шум, гневные вопли и звуки ударов. Открыл дверь и увидел: хозяин таскает за косу китайца-лодочника, уже немолодого, тщедушного человека. Нещадно лупит его, однако тот вырывается и бежит. Владелец отеля взапуски несётся за ним... Не дожидаясь конца потасовки, Венюков спросил у служителя свободный номер и занял его. Через полчаса хозяин вернулся, запыхавшись, и на вопрос постояльца спокойно ответил:

- Этот наглец просил два шиллинга, а я дал ему два пенса.
- Но я ему их обещал и хотел вернуть деньги вам.
- Нельзя баловать этих негодяев...

Наблюдая за британцами ещё в Японии, Михаил уразумел: эти люди считают себя кругом правыми, и переубедить их невозможно, и никого наказания за рукоприкладство им не последует.

На утро следовало идти в русское консульство. Оно находилось в доме, хозяином которого был американец Герд, но флаг над ним висел русский. Венюкову сказали, что консула нет. Он решил обратиться к вице-консулу — тот был на месте. Но положение оказалось весьма щекотливым: вексель на имя Михаила ещё не пришёл, пришлось просить вице-консула Диксвелла открыть ему кредит на триста долларов, который тот покроет после получения векселя. Чиновник, скрепя сердце, согласился.

Получив деньги, Венюков вышел на улицу. Жара и влажность неотступно давали о себе знать. Он постарался трезво осмыслить своё положение. Будет ли на месте консул и когда? Ему не ответили. Значит, нужно отправляться в посольство, в Пекин.

На знакомство с Шанхаем Михаил потратил два дня. Потом купил билет на пароход до Тяньцзиня и вернулся в отель расплатиться. Там ему вручили счёт, где, помимо всего прочего, значились какие-то два шиллинга.

- А это за что? — недоумённо спросил он у служителя.
- Плата лодочнику, который вас сюда доставил...

13

Через пару дней пути вдали показался довольно большой порт и город. И тут пароход прочно сел на мель. До конечного пункта — города Тяньцзиня — оставалось версты полторы. Пассажиры, и Венюков в их числе, прихватив пожитки, покинули судно. По колено, потом по щиколотку в воде, все вышли на сухое место, а там уже стояли китайские одноколки и поджидали седоков. Михаил взял свободную, положил в неё поклажу и сел сам. Китаец-возчик не знал английского языка, но, глядя на пассажира, каким-то чудом понял, куда его нужно везти. И тут же направился в европейский квартал.

Слава богу, что тот находился недалеко от пристани, и седок, увидев дома привыч-

ной архитектуры, стал высматривать родимый трёхцветный флаг. А вот с этим случилась неувязка: проехав трижды из конца в конец, флага ни на одном из зданий он, увы, не обнаружил. Но, на удачу, встретился какой-то англичанин и показал, где находится Российское императорское консульство.

Это оказался приземистый, неказистый дом, похожий на усадьбу. Флаг на нём всё-таки был, но, сшитый из каких-то дерюг, он походил на старое шерстяное одеяло с почти неразличимыми полосами. Спустившись с одноколки и кивнув возчику, чтобы тот его ждал, Венюков подошёл к закрытым воротам и постучал. Из них вышел сторож-китаец. Кое-как переговорив с ним, Михаил отдал ему свою визитную карточку, сторож ушёл и вернулся с помощником консула. Пришлось вновь объяснять цель визита. Наконец, расплатившись с возницей и взяв багаж, он пошёл следом за помощником. Они миновали небольшой садик, в котором мирно расхаживали куры, подошли к передней консульского дома. Михаил глянул в отворённую дверь и увидел самого хозяина.

И тут же понял причину столь холодного приёма. Это был Скачков, с которым у него был старый, десятилетней давности конфликт. Венюков тогда управлял 2-м отделением Генерального штаба в Омске, а Скачков был нашим консулом в Дачене, китайском пограничном городе в Синцзяне. Он прислал срочное письмо на имя генерал-губернатора, в котором сообщал, что взбунтовалась большая киргизская орда и к ней примкнули кокандцы. Они взяли укрепление Верное (Алма-Ату), а все казачьи станции в Заирийском крае разрушены...

Но после проверки сообщение оказалось ложным. И, по распоряжению губернатора, Венюкову пришлось писать автору ответ: «Консулу в Чугучаке (так по-русски звался Дачен), коллежскому асессору Скачкову. Пользуюсь случаем, чтобы сообщить вам, что подобные базарные слухи нередко распространяются в Средней Азии людьми злонамеренными, которые на это имеют свои расчёты. Поэтому доверять им следует с осторожностью».

И теперь, глядя на него, Скачков бросил с иронической ухмылкой:

— А-а-а... Вот и вы! Нам о вас писали из Петербурга, и я всё дивился, как это Военное министерство посылает в Китай агентов, которые не знают китайского языка...

Михаил в долгу не остался:

— Я думаю — потому, что в армии нет таких офицеров... — он сделал паузу и прибавил: — А те, кто знает этот язык и состоит в Китае на службе, никогда ничего нужного военному министерству не доставляют... — консул отмолчался. — В данную минуту, — продолжил незваный гость, — беспокоить вас никакими вопросами не буду. Ибо я уже знаю, что в Тяньцзине есть образцовые китайские войска, арсенал и пороховой завод, которые я постараюсь осмотреть на обратном пути из Пекина, — он протянул ему конверт. — Вот вам мой паспорт, сообразоволяйте поставить на нём визу и содействуйте моему отъезду в Пекин.

— Хорошо, — холодно ответил Скачков, взяв конверт, — паспорт вам доставят в гостиницу, куда вас проводит этот человек, — он показал на слугу-китайца.

На этом и закончился его визит к официальному лицу, которое не пустило его дальше передней.

14

Поселившись в гостинице, Венюков после получения паспорта хотел ехать в Пекин, там написать жалобу на консула и отправить её в Главный штаб. Однако на следующий же день сам Скачков явился к нему, привёз паспорт и подорожную, выданную губернатором Тяньцзиня. Теперь Михаил мог отправляться в Пекин. А консул просидел у него часа полтора, болтая о том, о сём, но также сообщил, что завтра к его услугам будет лодка с гребцами, которые доставят его по реке в городок Тунчжоу, а там рукой подать до Пекина.

Они вполне любезно расстались, и Михаилу пришлось дожидаться утра. Утром явились за ним шестеро гребцов во главе с забайкальским казаком, которого присылали в здешнее консульство с почтой. Теперь он должен был возвратиться в Пекин. Кроме русского, он умел говорить по-монгольски, однако гребцы-китайцы каким-то образом его понимали.

Мало того, стоило лодке с навесом, под которым уместился Венюков, отчалить от берега, как десятки китайских джонок шумно преградили ей дорогу. Впереди был плывущий мост, и вход в него был перекрыт. Казак встал, прошёл к носу лодки и замахал руками. К удивлению Венюкова, четверо полицейских, стоявших на мосту, подали знак — один из плотов подвинулся в сторону, открывая проход. Туда и направилась лодка Михаила с казаком и шестью гребцами. Но джонки китайцев тоже устремились со всех сторон. Тогда полицейские пустили в ход бамбуковые дубины, нещадно колошматя бедных туземцев. Услышав их вопли, Венюков выглянул из-под навеса и

заметил своего казака в форме и при сабле, гордо стоявшего на носу лодки. Скорее всего, его бравый, победный вид оказал нужное действие. Полицейские не могли не уважить военного человека при исполнении. Проход открылся.

А вся водная дорога до городка Тунчжоу дала возможность Венюкову спокойно наблюдать жизнь и быт коренных жителей Срединного царства. По обоим берегам реки далеко расстились крестьянские угодья, где созрел очередной урожай риса. Была уже середина августа, наступала пора спускать воду с полей. То тут, то там чернели согбенные тела хозяев, старательно оценивающих плоды своих неустанных трудов. Михаил не мог не восхищаться этими людьми и отметил в дневнике: «Её сыны остаются верными своим исконным обычаям и чувствуют себя членами одной семьи. Это служит залогом, что китайцы, сильные числом, не так легко поддаются обезличивающему влиянию западной цивилизации, как японцы или мы. Эта устойчивость Крайнего Востока меня радует».

Они плыли по реке Хайхэ, берега которой были невысоки, но обрывисты и состояли из илистого ила, называемого лёссом. Довольно часто им попадали на глаза огромные деревянные колёса, оснащённые длинными желобами. Они на четверть уходили в воду...

— Что это? — спросил Михаил у казака. Тот пренебрежительно усмехнулся:

— Это хитрые китайцы трудов себе убавили, — он махнул рукой, — воду они из реки черпают, свой рис без хлопот поят... Вот он и растёт, как на дрожжах...

А Венюков подумал, что не только его земляки, а многие иностранцы думают, что жители Поднебесной ловкий, увёртливый народ. И плодородная земля, чудом доставшаяся им, не требует никаких усилий — всё растёт на ней как бы без лишних забот. Хотя рабочий скот — быки и лошади — здесь редкость, а землю возделывают люди — киркой и лопатой...

И бросив взгляд на копошащихся в поле земледельцев, задался вопросом: «Если бы их хозяева взглянули на наши великорусские пашни? Какими бы варварами и лентяями обозвали бы они наших крестьян! И когда обе стороны, теперь далеко отстоящие одна от другой, сблизятся, узнают друг друга, скольким хорошим вещам разумные сыны человечества научатся у отсталых теперь китайцев! И сколько времени для это нужно?..»

Но вот усилиями шестерых китайских гребцов и бравого русского казака, вполне прижившегося здесь, лодка уткнулась носом в берег. Далее следовало добираться сухим путём. И расторопный казак мигом раздобыл повозку, в неё они оба и поместились вместе с багажом.

До Пекина было вёрст с десяток, и небо на западе, где находилась столица Поднебесной, уже заметно темнело. А спустя полчаса стали видны тоже тёмные, высокие стены города. На фоне ярко-оранжевого, опускающегося за горизонт солнца они выглядели почти чёрными. Но, на удивление, оказались совершенно целы...

15

Возчик-китаец, нанятый лихим казаком, привёз Венюкова прямо во двор русского посольства. Время было около шести часов вечера. Решив тут же представиться самому поверенному в делах, Михаил обратился к его первому помощнику и получил категорический отказ: господин Бюцов принимает только в утренние часы и являться к нему нужно непременно в мундире.

Услышав фамилию посла, Венюков вспомнил её обладателя. Он знал его ещё безусым юнцом, недавно выпущенным из иркутского лицея. Это было чуть больше десяти лет назад. Значит, теперь ему ещё нет тридцати. Однако все манеры и повадки важного чиновного лица он блюдет другим на зависть. И готов перещеголять в этом всех.

Но любезный секретарь важной «персоны» предложил неожиданному гостю довольно приличную квартиру в одном из флигелей посольского двора. Михаил смог умыться, переодеться и совершить небольшую прогулку вокруг дома, а потом вышел со двора... Лучше бы он этого не делал — соседняя узкая улочка кишела нечистотами. Мусор и грязь были повсюду. И в этих отбросах копался какой-то жалкий бедняк-китаец, палкой подцепляя остатки растительных и животных продуктов, и две собаки сидели поодаль.

За спиной Венюкова заскрипели и открылись ворота — четверо носильщиков вынесли небольшой паланкин с зашторенными окнами. В нём, как он догадался, сидел его давний знакомец Бюцов. И оказался прав: войдя во двор и встретив там секретаря, услышал от него, что господин посол отправился во французское посольство «отметать день рождения Наполеона».

А секретарь по фамилии Гладкий пригласил его на обед в столовую посольства. Там Михаил, естественно, стал центром всеобщего внимания. И несмотря на то, что за столом не сидело начальство и отсутствовали дамы, разговор был очень сдержанным и

натянутым. Слава богу, что обед вскоре закончился.

Войдя к себе в «апартаменты», он улёгся на кровать и стал вспоминать прошлое: двадцатипятилетним поручиком, окончив Академию Генерального штаба, он отправился на Дальний Восток. Пять тысяч вёрст до Иркутска, где располагался штаб генерал-губернатора Муравьёва, ещё не удостоенного титула «Амурского», он добирался вначале в санях, потом в телеге, а далее — верхом и пешком по скверным, разбитым дорогам. Вся «одиссея» отняла полтора месяца. Транссиба тогда ещё не было и в помине...

И в начале мая 1857 года прибыл на место. Муравьёв принял его на службу в должность старшего адъютанта штаба войск Восточной Сибири. А спустя некоторое время Михаилу предложили участвовать в очередном сплаве по реке Амур. «Лучшего предложения в работе нельзя было бы сделать, — записал он в дневнике, — мечта моя быть на Амуре — сбылась!» И здесь же, в Иркутске, он впервые увидел будущего консула Бюцова. Его отец работал при штабе Муравьёва... Но тут его незаметно сморил сон.

Утром следующего дня, приведя себя в порядок и облачившись в мундир, Венюков отправился на официальный приём к давнему знакомцу. Но тот принял его в домашних туфлях, помятом пиджаке и с сигарой в зубах. Его рано облысевшее, зато надменное лицо украшали усы и небольшая бородка. С трудом скрывая гнев и неприязнь, Михаил представился и кратко рассказал о цели своего визита: в начале сентября в Пекин должна прибыть официальная почта из России. В ней должны быть бумаги на его имя и заодно денежный вексель.

Посол равнодушно кивнул, выпустив облачко сигарного дыма, и ответил, что господин подполковник может пользоваться его гостеприимством сколь угодно. Он готов ему содействовать. На том они и расстались. Кое-как смиряя досаду и законную злость на «чиновную сволочь» — так в душе он именовал подобных представителей этой чванливой касты — Михаил вернулся в своё казённое жилище. Хочешь не хочешь, но приходилось сносить и это, ничего другого пока не предвиделось...

И не желая впустую убивать время, он решил осмотреть город. Сняв мундир, переоделся в гражданскую одежду, сожалея об одном: из денег, взятых взаймы в Шанхае, у него не осталось и половины. Нанять одноколку, чтобы проехать в центр, об этом даже не стоило мечтать. Пришлось пройтись по посольскому кварталу, заодно высмотрев трактир или «бистро», где можно недорого перекусить. Обеды в посольской столовой, хотя и бесплатные, стояли ему поперёк горла.

На улицах, довольно чистых и прямых, народу встречалось немного, и, конечно, это были лишь европейцы. Китайцы попадались очень редко, они словно чувствовали себя пришлыми или чужаками, которым здесь не место. Венюков помнил, что англичане и французы во время Второй опиумной войны не бомбили Пекин, как тот же Тяньцзинь. Но в период восстания тайпинов в 1851-1864 годах маньчжурские войска вместе с англичанами, американцами и французами истребили массу народа, превратив в пустыню и часть Пекина.

Теперь в столице Поднебесной было всё спокойно. Молодой император Тунчжи (Айсингёро Цзайчунь) проживал во дворце, когда-то безбожно ограбленном оккупантами и находившемся внутри Запретного города, куда не допускались посторонние. Айсингёро — по-маньчжурски «Золотой род», из него и происходили все нынешние власти Китая. Он был восьмым. А его мать, знаменитая, коварная, мстительная и самовластная Цыси (по-маньчжурски — Ниласы), держала в страхе весь двор. Слугам-китайцам даже запрещалось говорить на родном языке — в Запретном городе звучала только маньчжурская речь. Видимо, только здесь их господа чувствовали себе полновластными правителями.

16

Пройдясь по посольскому кварталу, Михаил неожиданно наткнулся на небольшой трактирчик, открытый поваром-французом. Здесь его ждала очередная удача — все блюда оказались европейскими, и цена за весь обед не превышала двух долларов. Поглощая омлет со спаржей, он всё-таки прикидывал в уме — на сколько дней ему хватит всех оставшихся денег? И почему до сих пор не прибыла почта из Кяхты, куда её направляет русское правительство?

Чуть «заморив червячка», Венюков заметил, что за соседними столами сидят англичанин и два немца, говорившие по-французски (тогда это был язык международного общения). Они изредка посматривали на него, явно не принимая за русского, поскольку весь разговор вертелся вокруг его родного, неласкового посольства. Оказывается, рядом с «вотчиной Бюцова» стоит посольство американское, и у недавнего посла Брауна были две дочери, которых пытались соблазнить русские сотрудники. Был громкий скандал, и Браун, забрав дочерей, уехал в свою «заокеанскую страну».

Потом разговор переключился на русского посла, который хотел завязать роман с

дочь английского посла Олкока. Но лорд, с британской спесью и высокомерием, даже не пожелал Бюцова принять. Вначале эти подробности удивили Михаила — откуда они могли всё знать? Скандал, да ещё громкий — это понятно, его едва ли утаишь, а неудачная попытка русского посла? Может, дело вовсе не в дочери лорда?..

Видимо, русских здесь просто не любят. И с этой нелестной мыслью он покинул трактир и направился в свою обитель. Во дворе его встретил Гладкий, секретарь посольства, и сообщил: ту довольно сносную квартиру ему заменяют на другую — поменьше и похуже. Из-за всех сил скрывая злость и раздражение, Венюков пошёл осмотреть своё новое пристанище.

Пара комнат, хотя в одной был камин, были тесны и не запирались. Но что прикажешь делать? Поднимать скандал и сделать своё пребывание в этом гнезде интриг и крючкотворства ещё более мерзким и нестерпимым? А как же его дальнейшая роль? С помощью секретаря перенесся в жалкий приют весь свой скарб, он утешил себя тем, что пребывание в нём скоро закончится.

И тут ему пришла в голову догадка: его присутствие здесь сильно тревожит посла. Ведь Михаил был фигурой немаловажной, но по другому ведомству, и как знать — зачем он явился сюда? Вдруг в военном министерстве всерьёз озаботились — как и чем занимаются чиновники русского посольства в Поднебесной? А те, опять же с подачи своих людей, могли знать, что Венюков когда-то исследовал пограничные области Китая. И у него случались конфликты с маньчжурскими властями...

Тогда, летом и осенью 1858 года, он на двух лодках вместе с унтер-офицером, двенадцатью казаками и переводчиком с гольдского (нанайского) языка отправился исследовать реку Уссури. А маньчжурские согластатаи тайно следовали за ним. Уйгунский договор, определивший границу между Россией и Китаем, не был ещё заключён, и маньчжурские власти считали эти земли своими. Но в Поднебесной кипело восстание тайпинов. Её правителям не хватало сил, чтобы справляться со всеми проблемами. И появление на их якобы исконных землях команды русских военных, крайне тревожило тамошние власти...

А с местными тунгусскими племенами — гольдами, орочами, удэгейцами — они управлялись без особых хлопот. Попросту грабили и нагоняли страх на бедных туземцев. Венюкову часто приходилось слышать от них печальные, жуткие истории: маньчжуры раз или два в год навещают их и, нещадно колотя палками, забирают шкурки всех соболей, а потом бьют ещё и ещё, подозревая, что большую часть хозяева всё-таки припрятали. И гольды идут на поклон: сами выносят соболей сборщикам.

В одном селении пожилой гольд, увидев русских, задрожал от страха, приняв их за маньчжурских чиновников, но когда его успокоили и даже хорошо уплатили за взятые полмешка проса, он рассказал о своих бедах: два его брата и старуха-мать удавились с отчаяния — маньчжурские сборщики дани забрали у них всё, оставив без малейшего припаса...

Видя сочувственное, доброе отношение со стороны русских, местные жители ответили им дружелюбием и приязнью. Хотя маньчжурские шпионы неотступно следовали за экспедицией. А стоило русским лодкам уйти вверх по Уссури — они тут же устремлялись в туземные поселения и начинался безжалостный правёж...

17

Почта из пограничной Кяхты всё не приходила, и, чтобы скоротать время, Михаил изучал Пекин. К его немалому удивлению, сотрудники русского посольства плохо знали столицу Поднебесной, вопреки тому что многие прожили в ней несколько лет. И в посольской библиотеке не нашлось ни одной карты Китая, не говоря уже о планах столицы. А город был весьма велик и любопытен. Пешком его не обойдёшь — пришлось брать извозчика. Хотя с деньгами было туговато, но Венюков нашёл выход.

Сблизившись с поваром-французом, у которого он регулярно столовался, предложил ему обменять на доллары десятка три наполеондоров и сотню русских целковых. Взамен получил две сотни долларов. Негусто, но всё-таки. Появилась возможность посетить Пекинский университет, где учились и сдавали экзамены будущие чиновники-мандарины. Потом побывал в русской монашеской миссии и осмотрел метеорологическую обсерваторию, которой заведовал немец Фричче.

А по возвращении в свою тесную обитель заметил, что в его бумагах кто-то старательно копался. Наверняка сотрудник или сотрудники пытались найти какие-то документы либо его дневник с нелестными для них пометками. Но он никакого «компромата» не оставлял в не запирающейся конуре...

Наконец, прибыла почта из Кяхты. В ней были инструкции и бумаги на имя Венюкова, но отсутствовал денежный вексель. По какой-то неведомой причине высокое начальство оставляло его без средств к существованию. Однако настаивало на дальнейшей «плодотворной» работе. Пребывание в этом гнезде интриг и козней становилось

нестерпимым. Позавтракав во французском трактире, распрощавшись с секретарём Гладким, Михаил без казака-проводного, а с одним китайским возницей выехал в Тунчжоу.

Китайцу в посольстве повелели — найти лодку с гребцами, чтобы те доставили Венюкова в Тяньцзинь. А там он перейдёт под начало консула Скачкова. И не сопровождаемый никакими соглядатаями, прихватив свой небогатый скарб, с английской картой в руках, «торговец углем» привычно уселся в одноколку и отправился на встречу со знакомой рекой Хайхэ. Там он перебрался в лодку с шестерыми гребцами, поплыв вниз по течению, между обрывистых берегов, на которых уже не виднелись согбенные тела трудяг-китайцев. Весь рис был убран и огромные колёса, качавшие воду, стояли в унылом бездействии вплоть до следующего урожайного сезона.

Михаил, подав знак гребцам, иногда делал остановку, вылезал на сушу и производил буссольную съёмку, чтобы уточнить или подправить английскую карту. А гребцы, оставив вёсла, пользуясь случаем, мирно отдыхали или наспех перекусывали, с изумлением глядя на действия странного пассажира.

Через сутки с половиной показался город Тяньцзинь и огромная бухта, на берегу которой он раскинулся. Заплатив гребцам и ступив на берег, Венюков пошёл в ту же гостиницу у паровой пристани, где жил почти месяц назад. Заселился в подобный же номер, перекусил в буфете и лёг отдыхать. На душе у него было смутно: ему надлежало осмотреть пороховой завод и выяснить, как идут здесь торговые дела? Можно ли подключить к ним русских купцов?

На следующее утро он отправился в консульство к старому знакомцу Скачкову. Тот, увидя нежданного посетителя, не только не обрадовался, но на все его пожелания дать ему отчёт о ходе русской торговли — отговорился большой занятостью.

— Но тогда я хотел бы осмотреть здешний пороховой завод, — не сдавался Михаил.

— И чего вы хотите от меня?

— Вашего содействия.

И здесь Скачков якобы ничем не мог помочь. Такого категорического отпора Венюков не ожидал, и другой в его положении наверняка бы растерялся.

Михаил вдруг вспомнил: в Тяньцзинь же есть американское консульство, и в гостинице, проходя мимо биллиардного зала, краем уха он уловил стук биллиардных шаров и английскую речь. Не теряя даром времени, сдержанно распрощавшись со Скачковым, он срочно вернулся в отель. Но вместо искомым американцев при входе неожиданно столкнулся с осанистым, солидным мужчиной и каким-то неведомым чутьём уловил: «Это свой!»

— Простите! Вы русский?

— Конечно! — здоровяк осклабился. — А что, не похож?

— Наоборот! — Венюков искренне обрадовался. — Я никак не ожидал встретить здесь земляка. Какими судьбами вы в Поднебесной?

Они вышли на улицу. Случайный встречный оказался богатым купцом Старцевым, о котором Венюков кое-что слышал. Торгуя китайским чаем через Тяньцзинь, Калган и Кяхту, он зарабатывал миллионы. Но пообщаться с ним пришлось накоротке — купчина куда-то спешил. В самое ближайшее время условились свидеться. Венюков даже приободрился — кто, кроме этого хваткого богатея, может снабдить его самой нужной информацией? Куда до него Скачкову!..

18

— По-моему, намеренно или случайно, их учат не совсем правильно, — Михаил с сомнением смотрел на американского инструктора. — Они нехотя исполняют все команды и часто невпопад... Может, я чего-то не понимаю? Почему они называются образцовыми?

Стоявший рядом инструктор снисходительно перевёл взгляд на шеренгу китайских рядовых. Одетые в подобия широких шаровар и мешковатые, перепоясанные ремнями куртки, они, с трудом соблюдая строй, оживлённо болтали меж собой, совсем не обращая на них внимания. Американские ружья кто-то держал у ноги, кто-то — на плече, и все, как один, производили впечатление, скорее, крестьян-ополченцев, чем солдат регулярной армии.

— Ничего страшного! Какое нам дело — уважают они или нет своих офицеров? — янки сплюнул. — Мы их учим ружейным приёмам, маршировке и строевым командам. И чем скорее они разбегутся от наших выстрелов, тем лучше! Нам хлопот станет меньше, разве не так?

Его откровенный ответ покоробил Михаила. Этот очередной знакомец, с ним он сошёлся в биллиардном зале гостиницы, сам пригласил его присутствовать на учениях образцовых китайских войск. И «торговец углем» наблюдал эти учения не однажды. Кстати, завод по изготовлению пороха и артиллерийский арсенал, где делали лафеты

и отливались орудия, ему тоже удалось посетить. Он располагался в бывшем буддийском монастыре. Ничего нового и необычного там не было.

Однако условленная встреча с купцом Старцевым превзошла все ожидания. Сидя в его просторном, дорогом номере, Венюков, старательно играя роль начинающего русского коммерсанта, внимательно выслушивал советы и прогнозы тёртого предпринимателя. Собеседник с неудовольствием заметил:

— Сухопутную торговлю с Китаем надо прекращать! Не те настали времена.

— Неужели? А почему?

— Я на досуге посчитал, — Старцев сокрушённо вздохнул, — провоз тонны товаров из Шанхая в Москву через Тяньцзинь, потом по суше через Калган и Кяхту обходится в восемь раз дороже, чем в Одессу через Суэцкий канал, будь он трижды неладен!.. — (Венюков тут же вспомнил своё путешествие перед началом его открытия).

— И торговать здесь стало невыгодно, особенно нашими сукнами, — купчина махнул рукой. — Надо отсюда совсем убираться! Не ждать добрых перемен...

— А не рано ли?

Старцев подумал и объяснил:

— Проклятые англичане своими товарами здесь всё завалили и сукнами тоже... — Михаилу хотелось утешить собеседника, но тот хитро взглянул на него и добавил: — Часть нашего сукна я продавал в Монголии, в Калгане. А теперь придётся покупать здесь сукно английское и везти его туда.

— В Монголию?

— Ну да. Не пропадать же от голода! Хотя барыш будет невелик, а делать нечего. Нечего ждать погоды у моря, даже у Восточно-Китайского...

Венюкову подумалось, что этот хитроумный, хваткий человек едва ли падёт духом и не найдёт применения своему уму и деловым хваткам. Жаль только, что Россия не имеет таких людей в достаточном количестве.

Проведя в Тяньцзине больше недели, он выполнил все наказанные ему инструкции. Консул Скачков, видимо, всё же испытывал некоторую тревогу, по причине своего нежелания помочь сотруднику военного ведомства. И накануне отъезда Венюкова пришёл к нему в номер. Но Михаил принял его сухо и неохотно. Спустя полчаса они расстались, рассорившись вконец...

19

В Шанхай он плыл на американском пароходе другой кампании, и его палубные надстройки были пониже, что позволяло отлично видеть морские пейзажи. То тут, то там встречалось множество английских военных судов, и пассажиры поговаривали, что вскоре должна появиться целая летучая армада, которая ежегодно «показывает британский флаг». Она станет перемещаться повсюду, внушая окружающим изумление и трепет.

В огромную бухту, на берегу которой раскинулся Шанхай, пароход вошёл очень медленно и, слава богу, не наскочил на мель. Помня своё пребывание в «Astor-house» и омерзительную сцену с лодочником, которого отколотил хозяин отеля, Венюков поселился в скромной французской гостинице. Её владелица оказалась человеком довольно услужливым, всегда готовым помочь постояльцу. Михаил попросил его — пригласить ему грамотного переводчика-китайца. Тот сказал: «Са ва»: хорошо. И всё...

Утром к нему в номер явился молодой китайский щёголь в светло-голубой шёлковой кофте, с холёными руками и длиннейшими ногтями, являвшими, кроме очевидной благовоспитанности, и классическую китайскую учёность. Общаясь на французском, они оговорили условия: он будет приходить ежедневно на полтора часа перед обедом и получать за каждый день работы полтора «лана» (три рубля медью). А суть его работы состояла в том, что он должен переводить с китайского языка на французский все наименования из атласа «Небесной империи», изданного генерал-губернатором четырёх южных провинций: Хубей, Хунань, Гуандун и Гуанси. И еще названия из дорожной карты. Французский он знал превосходно, поскольку служил во французском консульстве.

Больше недели он посещал Михаила аккуратно, но потом стал запаздывать, однако же плату требовал неукоснительно, как за оговорённое время. И в своё извинение ссылался на неотложную службу в посольстве. Венюков вначале терпел, поскольку они успели перевести маршруты по Маньчжурии, Монголии и Джунгарии, а затем напомнил щёголю: если тому дорого время, то ему — деньги. Однако китайский франт не полез за словом в карман и тут же ответил: он и так рискует многим, посещая его. О его занятиях с иностранцем, да ещё русским, стало известно консулу, и тот через секретаря сделал ему строгое замечание...

Так это или нет, проверить было невозможно, полагаться на чистосердечие наёмного переводчика — тем более. Но Михаил нашёл выход — предложил ему заниматься

работой дома и приносить все переводы поздним вечером. Тот поначалу согласился, а вскоре заявил, что не может ручаться за точность переведённых названий. Якобы они всего лишь приблизительный, очень условный вариант. Крепко подумав, он отказал ему совсем.

Утрата переводчика была нежелательной, но его пребывание в Шанхае на этом не завершилось. Вновь обратившись к хозяину гостиницы, Венюков просил его подыскать ему кого-то из сотрудников шанхайского арсенала, где не только выдвигались пушки и ружья, но и строились военные суда. И тот познакомил его с одним из техников этого закрытого заведения. За десять долларов техник-американец проводил незваного гостя по всем уголкам своего предприятия, и под конец дня Михаил едва волочил ноги. Зато был вполне удовлетворён увиденным и, вернувшись в гостиницу, написал подробный отчёт объёмом в целую тетрадь.

Оставалось ещё осмотреть казармы, точнее — барачный лагерь местных китайских войск европейского образца. И опять пришлось прибегнуть к услуге хозяина-француза. У того весьма кстати оказался добрым знакомым военный инструктор, ходивший в гостиницу обедать. Михаил сел с ним за один стол, и они тут же познакомились. Угостив сотрапезника шампанским и заплатив за его обед, он обеспечил себе осмотр лагеря китайских войск. Инструктор-француз охотно сопровождал его и со всеми подробностями показал и рассказал, как вооружены и обмундированы солдаты. И сам лагерь, и его обитатели ничем не отличались от «образцовых» военнотружущих Тяньцзиня, которых он имел возможность наблюдать. Но Венюков удовлетворился тем, что выполнил всё задуманное.

Вот только нехватка денег не давала ему покоя. Он вернул свой долг в триста долларов, взятых в займы в прошлый приезд, а на что жить дальше? Пришлось заложить в английском банке процентные бумаги из собственных средств. Условия были тяжелы: бумаги были русскими, хотя обеспечивались серебряными деньгами, но делать было нечего — пришлось на них пойти.

А в конце октября в Шанхай прибыл сын английской королевы Виктории герцог Альфред Эдинбургский. Его фрегат «Галатhea» не смог пройти в сам Шанхай, и герцогу пришлось пересаживаться на речной пароход, который украсили английским и американским флагами. Но, кроме них, на мачтах и ряях развесили флаги других государств, помимо русского. А на шанхайской набережной возле здания русского консульства тоже была устроена своеобразная демонстрация: вдоль пристани расставили флаги разных наций попарно — английский и американский, французский и германский, итальянский и испанский, голландский и бельгийский, португальский и греческий и в конце — русский и сиамский...

Михаил заметил вице-консулу:

— В Петербурге наверняка обидятся, если узнают, что русский флаг здесь в таком загоне. А если принять во внимание, что один из членов комитета по приёму принца был наш вице-консул, допустивший такое унижение, то могут и рассердиться все-рёз... Не правда ли?

Вице-консул отмолчался. А вечером того же дня в гостиницу явился секретарь и оставил приглашение на имя Венюкова: он должен прийти на бал, который даётся городом в честь приезда высокого британского гостя. Ответ:

— Являться на официальный бал во фраке мне не приходится... А надевать мундир я не хочу, ввиду неуважения, оказанного и принцем, и городом русскому флагу.

Чаша консульского терпения была переполнена. Наступил разрыв всех отношений, отнюдь не дипломатических. А потом поползли слухи, что в скромной французской гостинице проживает русский шпион. Венюкову пришлось сменить место пребывания, он вновь поселился в ненавистном отеле «Astor-house». Постояльцев там было достаточно, и среди общей суеты, толкотни и шума он на время затерялся.

20

За месяц проживания в отеле ему приходилось платить по сто двадцать долларов. И ещё доллар в день за дрова и уголь для камина, который почти не грел. За мытьё рубашек нужно было отдать полдоллара за каждую, принять ванну стоило полтора доллара, выпить два стакана чая с четырьмя английскими сухарями — плати один доллар и будь здоров.

А на дворе стоял декабрь и в щели номера, выходящего окнами на северо-восток, немилосердно дул ветер. Хотя Шанхай находится в субтропическом поясе, наивно думать, что там вечное лето. Михаил редко снимал шубу и, поместив стол у самого камина, тщетно пытался согреться. Хотя в печи трещал уголь, в номере стояла температура около 3-4 градусов. И немудрено, что вскоре он заболел.

Вексель из Лондона, вопреки всем договорённостям, прибыл почти полгода спустя. Но два русских купца, бывшие проездом, помогли чем могли. Не предаваясь отчаянью,

Михаил боролся со всеми напастями. Немилосердно разыгрался ревматизм, одолели насморк и кашель. Из его небогатых средств пришлось издержать кучу денег на доктора и аптеку. Так прошёл декабрь...

Но понемногу придя в себя, «торговец углем» решил перебраться в Японию. Он знал, что зима там гораздо мягче и теплее. И не ошибся. А по приезде в Нагасаки, сняв номер в гостинице «Hotel de Belle-vue» (Красивый вид), убедился, что вид из неё и вправду красив. Тенистый сад из пышных, вечнозелёных деревьев заботливо, надёжно защищал его жильё от всех ветров, поскольку оконные и дверные рамы, как это принято в Японии, состояли из одиночных стёкол.

Вся его хворь прошла. Свежий морской воздух, прогулки по живописным окрестностям города вмиг поставили Михаила на ноги. Составив подробный отчёт по Китаю, согласно всем инструкциям, чтобы достойно представить его в «Военно-статистическом сборнике», он вернулся к изучению Японии. Её полное описание тоже предстояло осуществить.

Удалось выкроить время, чтобы повидаться с давним знакомцем доктором Герстом. Оказалось, что бойкий голландец занимался не одной врачебной практикой, а совмещал её с чтением лекций по математике и химии, причём весьма успешно. Его японская «мусме» (жена или содержанка, трудно сказать) вела хозяйство. Михаил не отваживался спросить — где и как они нашли друг друга — помня, что для здешних мест это отнюдь не редкость. На улицах ему часто встречались дети со смешанными чертами лиц.

А недалеко от города стояла деревня Инасы, возле неё когда-то успешно прищартовалась русская морская эскадра под командой адмирала Попова. И теперь жители деревни вполне сносно говорили по-русски. Венюков побывал там и увидел детей и подростков, азартно игравших в лапту и до боли напомнимших ему русских пацанов.

Вслед за испанцами и португальцами проникнув на остров Кюсю и в город Нагасаки, голландцы осели здесь всерьёз и надолго. Нашли себе подружек и жён. Потом пришли англичане и американцы. Эти тоже особой нужды не испытывали ни в чём. К тому же в городе издавна был особый квартал, где находились «иосивара», т.е. дома терпимости. Девушки и женщины, служившие там, уже не делились по рангам: они не были «классическими» гейшами, развлекавшими гостей музыкой, танцами и умением составить «икебану».

В эпоху Мэйдзи всё стало значительно проще — уменьшилось число «сиро-гейся» (белые гейши), вся роль которых состояла в увеселении клиентов, а «короби-гейся» (опрокидывающие тело) только этим и занимались — зато теперь они целиком заполнили подобные дома, расположенные во многих городах. И стали музами известных поэтов, художников и композиторов.

В 1888 году писатель и путешественник Пьер Лоти написал роман «Мадам Хризантема». Из самого названия понятно, что речь пойдёт о восточной женщине, похожей на экзотический цветок. А десять лет спустя американец Джон Лонг, вдохновившись романом француза, написал рассказ «Мадам Баттерфляй» (бабочка). Зачем он сменил прекрасное растение на порхающее насекомое — непонятно, но привлёк внимание музыкантов. Опера «Мадам Баттерфляй», заполонившая сцены всех европейских театров, была написана Джакомо Пуччини на либретто Л. Иллика и Д. Джакоза. Премьера состоялась в «Ла Скала» в середине февраля 1904 года и с треском провалилась. Пришлось переделать либретто, и полгода спустя романтическая и трогательная история о романе пятнадцатилетней японской «сиро-гейся» Чио-Чио-сан (бабочки) с заезжим американским морским офицером, обманувшим и бросившим не только её, но и своего маленького сына, возымела потрясающий успех. Ведь в финале прелестная героиня делает себе «сэппуку». Эта опера до сих пор не покидает подмостки всех мировых театров. И актриса, исполняющая главную роль, неизменно утопает в море цветов, стойко выдерживая шквал оглушительных аплодисментов и оваций...

21

Мягкость зимы в Нагасаки внушала оптимизм. Бамбуковые деревья под окнами гостиницы совсем не теряли листья. Снег шёл нечасто и лежал только в горах, окружающих город. Но стены «Hotel de Belle-vue» были настолько тонки, что не держали тепла. Михаилу приходилось часто топить, но, слава богу, что это стоило не так дорого, как в Шанхае. И здоровье у него поправилось окончательно. Прошёл кашель, а ревматизм давал о себе знать крайне редко.

А главное — он совсем воспрял духом и ждал известия о своём текущем содержании. Его будущие действия состояли вот в чём: получив деньги, он отправится на север Японии, в Иокогаму, потом на остров Хакодате, оттуда на Сахалин или во Владивосток, далее в Маньчжурию и в Монголию, затем в Восточную Сибирь, к берегам Иртыша.

И, таким образом, он осмотрит японские и китайские земли, прилегающие к России. Их изучение и составляло цель всей его командировки. Оставалось лишь дожидаться поступления нужных средств в серебряной монете, о чём Венюков своевременно отправил докладную записку министру финансов. И мог рассчитывать на успех — ведь его поездка была «высочайше» одобрена. Хотя он записал в дневнике: «В России всё зависит не столько от царя, сколько от чиновников».

Тут он оказался прав — почта из Шанхая доставила неприятную новость: кредит на ближайшее полугодие не может быть открыт, нужно ждать до конца марта или начала апреля 1870 года. «Это был последний удар, — писал он в дневнике. — Я был осуждён влачить печальное существование человека, заброшенного на чужбину и вечно ожидающего денег, связанного в каждом малейшем движении или обязанного делать займы у людей, едва знающих меня по имени».

Проведя без сна ночь, ранним утром Михаил написал докладную записку начальнику Главного штаба графу Гейдену. Он просил отозвать его раньше срока, но истинную причину не указал, сославшись на то, что материалы о Японии и Южном Китае скоро будут закончены, а посетить Северный Китай он сможет по возвращении. Запечатал и отнёс её на американскую почту, русской в городе не было.

И там он случайно узнал, что вблизи японских островов появился русский клипер «Всадник». Его командир Михайлов был Венюкову известен. Он тут же, не откладывая, написал ему письмо в Иокогаму, надеясь, что тот придёт на тамошнюю почту и получит его. И вправду, через десять дней пришёл ответ, капитан-лейтенант Михайлов извещал: на военные корабли без предписания высшего морского начальства посторонние пассажиры не допускаются, но при личной встрече в Иокогаме он всё объяснит и поможет чем может...

Это был вежливый отказ. И Михаил впал в уныние. Но делать было нечего — приходилось на жалкие оставшиеся средства отправляться в Иокогаму. Оказавшись через полторы недели в знакомом городе, приплыв туда, конечно же, на пароходе, он поселился в гостинице «Hotel des Colonies». А денег на текущие расходы у него оставались крохи. И, найдя командира «Всадника», он напрямую попросил дать ему займы.

— Сколько угодно! — ответил Михайлов. — Наша казна, слава богу, ещё полна...

Венюков, трезво всё прикинув, взял у него тысячу сто долларов. И его терзаниям пришёл конец. На следующий же день он отправился в Токио. В японской столице, благодаря знакомым французам, основательно пополнил сведения о военных силах и финансовых средствах возрождённой монархии, составе правительственных сфер и главных деятелях переворота 1868 года.

Проведя в Токио две недели, возвратясь в Иокогаму, он решил побывать в городке Йокосука, на берегу залива Сагами. По слухам, там был военный арсенал и адмиралтейство. Чтобы не вызывать никаких подозрений, Михаил через гренёра Шеврёе познакомился с неким Деспанем, французом, когда-то жившим в России и служившим на железной дороге Петербург — Москва.

Вместе с новым знакомым, который проживал в Йокосука и работал техником в арсенале, Михаил осмотрел всё, что было нужно и можно, попутно узнав потрясающую новость: накануне там был японский император и появился перед европейцами вне дворца и не в парадной одежде. И, как на грех, поблизости оказался итальянский фотограф Беато, исподтишка сняв микадо, прекрасно зная, что это категорически запрещено. Об этом узнала полиция и разгорелся скандал. Случилась «профанация» императорского величия, 17-летний микадо был возмущён. И приказал: во что бы то ни стало его портрет, снятый воровским способом, должен быть уничтожен.

Но пронырливому итальянскому «воришке» это было на руку. Отвечая перед японскими чиновниками, он им честно признался, что продажа фотографий микадо в Европе принесёт ему немалый барыш, а если он отдаст им негатив, то лишится всего. Ему уплатили всю назначенную сумму, и Беато вручил им требуемое, предварительно скопировав негатив. Простодушные чинуши тут же успокоились. А в Европе появилось великое множество портретов Муцухито и ни одного в Японии.

22

Жизнь Венюкова в Иокогаме весной и летом 1870 года была довольно спокойной и однообразной, но он не скучал. Даже успел переписать, уже набело, большую часть своего «Обозрения Японского архипелага». А карта Японии, выполненная им, по сию пору считается одной из самых верных.

Несмотря на все трудности, политические и финансовые, правительство Ивакуры-Санджо (императора) старалось обновить страну, дать ей новую жизнь. Переустройство армии, создание морского флота, строительство arsenалов, организация военных училищ — всё это велось неотступно и планомерно. А в гостинице «Hotel des Colonies» появился новый хозяин-корсиканец, жадный до денег и мигом превратив-

ший отель в заурядный каба́к. Михаил, видя это, переселился в «International Hotel», стоявший на самом берегу. И обрадовался нежданно случившейся перемене. Из окна его номера открывался прекрасный вид на набережную, и громкие крики лодочников:

— Ай-хи-и-хай-ху! — доносились до его слуха, но они отнюдь не раздражали, а вызывали любопытство и сочувствие.

Он подходил к окну и наблюдал, как лодочники, стоя лицом к носу лодки, размеренно и в такт усилиям гребцов, которые не машут вёслами, а «виляют» ими, как рыба хвостом, громко отдают команды, а лодка, как по волшебству, неудержимо и быстро скользит по водной глади. А в самой середине её лежат разнообразные товары, перевозимые на морские суда.

Весь этот оживлённый и насыщенный морской рейд, благодаря близости Иокогамы к столице, никогда не пустовал. Здесь всегда находилось до десятка военных кораблей всех наций. Вон британский броненосец «Ocean», неподвижный, как скала, а рядом британская канонерская лодка, пришедшая из Порт-Смута вокруг Африки. Чуть дальше — французский фрегат «Dupleix», уже весьма потрёпанный. Недалеко от него недвижимо застыл пакетбот «America», почти без мачт, но вдвое длиннее и выше большинства военных судов. Его необъятные трюмы похожи на сараи, в которых бесследно исчезают сотни ящиков с чаем и кучи пассажирской клади. На обратном пути из Америки он привозит целые горы картофеля, яблок, всякой мебели и машин.

А почта из Шанхая, Пекина и России доставляла газеты, журналы, письма, но никаких официальных бумаг. И вот однажды Михаил получил письмо от давнего сослуживца, которого он просил сходить в Главный штаб и узнать, в каком положении его дело и какова дальнейшая судьба. Сослуживец писал, что говорил с полковником Фельдманом и тот подтвердил, что просьба Венюкова будет исполнена и в скором времени его отзовут с Востока.

Михаил стал готовиться к отъезду, вот только как и куда? Если ехать через Сибирь, то, в скором приходе зимы, придётся купить шубу. Невольно вспомнил, как двенадцать лет назад в предгорьях Сихотэ-Алиня он с отрядом казаков оказался вблизи одинокой китайской фанзы. По маньчжурским законам, китайцам категорически запрещалось переходить Великую китайскую стену. Видимо, он был одним из тех, кого называли хунхузами, т.е. преступниками. Не испугавшись русских, он пригласил Венюкова обедать. Тот согласился. Но выйдя от гостеприимного китайца и пройдя несколько километров по глухой тайге, Михаил почувствовал сильный шум в ушах и резь в желудке. Спас его рвотный порошок и несколько ковшей холодной родниковой воды. После обильной рвоты наступило облегчение. Но ещё два дня он шёл, опираясь на сильные руки казаков. Теперь такой подмоги могло не быть.

А коли ему будет предоставлен свободный выбор, то домой лучше всего возвращаться через Северную Америку. Оно теплее и быстрее. Из Иокогамы пароходом в Лос-Анджелес, а оттуда — на поезде. Уже была открыта Тихоокеанская железная дорога.

1-го августа шанхайская почта привезла ему долгожданный конверт с депешей от графа Гейдена: «Предоставляется подполковнику Венюкову М.И. возвратиться в Россию ранее срока. Содержание ему прекращено с 15 июля, а что осталось не отпущенным, будет выплачено по прибытии в Петербург». Только и всего. Но и этому Михаил был рад несказанно.

Вечером 3-го августа 1870 года Венюков сел на пароход французской компании «Messageries Francaises», занял каюту второго класса, похожую на полутёмную конурку с двумя койками, заняв одну из них. Соседа, к счастью, не было. И тут же мертвецки уснул, как человек, перенёсший экзекуцию...

Утром вышел на палубу. Немногие пассажиры, тихо переговариваясь, оглядывали окрестные пейзажи. Михаил, видя, как удаляются, уходя за горизонт, горные пики, говорил сам себе: «Прощай, Япония!» Пришли на память строки из «Паруса» Лермонтова:

*Под ним струя светлей лазури,
Над луч солнца золотой,
А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой!*